Дата поступления рукописи в редакцию: 02.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-59-64

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ЭСТЕТИКА НЕВОЛИ: МОЖЕТ ЛИ ТЮРЬМА БЫТЬ МЕСТОМ РОЖДЕНИЯ ВОЗВЫШЕННОГО?

Аннотация. *В статье предпринимается междисциплинарное исследование феномена тюремного творчества как особого эстетического феномена, порождаемого условиями тотальной изоляции и депривации свободы. На пересечении пенитенциарной психиатрии, философской эстетики и психологии творчества анализируется вопрос о способности тюремной среды выступать не только пространством подавления, но и местом рождения возвышенного в кантовском смысле. Клинические наблюдения за художественной деятельностью осужденных, анализ рисунков, стихов и поделок, создаваемых в условиях лишения свободы, позволяют предположить, что страдание, лишенное выхода в непосредственном действии, может сублимироваться в эстетическую форму, обретающую черты подлинного катарсиса. Однако сам этот процесс остается глубоко антиномичным: тюремное творчество одновременно является бегством от реальности и единственно возможным способом ее удержания, актом восстановления субъектности и формой выученной зависимости от институциональных условий. В работе обосновывается положение о том, что эстетическое переживание в неволе, будучи парадоксальным по своей природе, тем не менее способно выполнять психотерапевтическую функцию, снижая аллостатическую нагрузку и создавая «островки смысла» в депривационной среде.*

Ключевые слова: *пенитенциарная эстетика, возвышенное, И. Кант, Т. Адорно, тюремное творчество, катарсис, сублимация, арт-терапия, субъектность.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

CAPTIVITY AESTHETIC: CAN PRISON BE THE BIRTHPLACE OF THE SUBLIME?

Annotation. *The article undertakes an interdisciplinary study of the phenomenon of prison creativity as a special aesthetic phenomenon generated by conditions of total isolation and deprivation of freedom. At the intersection of penitentiary psychiatry, philosophical aesthetics and the psychology of creativity, the question of the ability of the prison environment to act not only as a space of suppression, but also as a birthplace of the sublime in the Kantian sense is analyzed. Clinical observations of the artistic activities of convicts, analysis of drawings, poems and handicrafts created in conditions of imprisonment, suggest that suffering, deprived of an outlet in direct action, can sublimate into an aesthetic form that takes on the features of genuine catharsis. However, this process itself remains deeply antinomic: prison creativity is both an escape from reality and the only possible way to keep it, an act of restoring subjectivity and a form of learned dependence on institutional conditions. The paper substantiates the position that aesthetic experience in captivity, while paradoxical in nature, is nevertheless capable of performing a psychotherapeutic function, reducing the allostatic load and creating "islands of meaning" in a deprived environment.*

Key words: *penitentiary aesthetics, sublime, I. Kant, T. Adorno, prison creativity, catharsis, sublimation, art therapy, subjectivity.*

Введение. Парадоксальность отношений между несвободой и творчеством привлекала внимание мыслителей на протяжении всей истории культуры. Тюремная камера, казалось бы, являющаяся предельным отрицанием всех условий, необходимых для художественного творчества, на поверку оказывается пространством, порождающим удивительные эстетические феномены. Рисунки на стенах камер, стихи, выцарапанные на жестяных кружках, поделки из хлебного мякиша, скульптуры из обмылков – все эти свидетельства спонтанного творчества лиц, лишенных свободы, образуют особый пласт культуры, который принято обозначать как «тюремное искусство» или искусство «аутсайдеров». Однако вопрос о его природе, эстетическом статусе и психологических функциях остается открытым. Является ли тюремное творчество всего лишь примитивной попыткой ухода от невыносимой реальности, суррогатом свободы, не имеющим подлинной художественной ценности? Или же, напротив, сама экстремальность условий, предельная концентрация страдания и изоляции способны породить эстетический опыт особого рода – опыт возвышенного, в котором, по мысли Иммануила Канта, «душа ощущает свое собственное возвышение»?

Многолетняя клиническая работа в учреждениях уголовно-исполнительной системы, включающая наблюдение за художественной деятельностью осужденных, анализ продуктов их творчества, а также беседы с авторами, позволяют утверждать, что феномен тюремного творчества заслуживает серьезного теоретического осмысления, выходящего за рамки традиционной пенитенциарной педагогики и психологии. Речь идет не столько о реабилитационном потенциале арт-терапевтических методик, хотя и этот аспект имеет несомненную практическую значимость. В центре нашего внимания находится более фундаментальный вопрос: может ли пространство тотального несвободы стать локусом эстетического события в его подлинном, философском смысле?

Ответ на этот вопрос требует обращения к двум интеллектуальным традициям, которые в обычных обстоятельствах развиваются независимо. С одной стороны, это классическая философская эстетика, задающая критерии суждения о прекрасном и возвышенном. С другой – пенитенциарная психиатрия и психология, накопившие обширный, но до сих пор недостаточно теоретически осмысленный материал о творчестве лиц, отбывающих наказание. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проложить мост между этими областями, предложив концептуальные основания для анализа эстетики неволи и ответив на вопрос о том, при каких условиях тюремное творчество может быть понято как форма переживания возвышенного.

Теоретические основания исследования: Кант и Адорно как оппозиционные полюса. Для понимания эстетического статуса тюремного творчества необходимо обратиться к фундаментальным категориям философской эстетики, задающим координаты для любого суждения о художественной ценности. Ключевое значение здесь имеет кантовская аналитика возвышенного, изложенная в «Критике способности суждения», и ее последующая радикальная критика и переосмысление в эстетической теории Теодора Адорно [1].

Иммануил Кант различал прекрасное и возвышенное по характеру переживания, которое они вызывают. Если прекрасное дарит нам ощущение гармонии и безмятежной радости, то возвышенное сопряжено с моментальным торможением жизненных сил, с чувством страха и подавленности, которые затем сменяются их «тем более сильным излиянием». Классический пример: созерцание грозного океана или горной вершины поначалу вызывает ужас, но этот ужас, будучи опосредован сознанием нашей собственной безопасности и, более того, нашего морального превосходства над стихией, трансформируется в возвышенное удовольствие. В основе этого механизма лежит, по Канту, способность разума к самопревозвышению: мы осознаем, что в нас есть нечто, что не подвластно даже самым могущественным силам природы – наша свобода как автономия воли.

Можно ли применить эту схему к анализу переживаний заключенного? Тюремная среда с ее тотальной регламентацией, насилием, депривацией, казалось бы, представляет собой не просто «грозную силу», а силу, от которой невозможно отстраниться, которая проникает в самые глубины психики. Эти условия, сенсорная депривация, хронический стресс, аллостатическая нагрузка, не оставляют места для той безопасной дистанции, которая, по Канту, необходима для превращения страха в возвышенное. Скорее, можно было бы предположить, что тюремный опыт целиком погружен в регистр ужасного, не оставляющего возможности для эстетической сублимации.

Именно здесь возникает необходимость обратиться к альтернативной традиции, представленной прежде всего Теодором Адорно. В своей «Эстетической теории» Адорно, один из

главных представителей Франкфуртской школы, предложил понимание искусства, которое принципиально отличается от кантовского своей историчностью и социальной укорененностью. Для Адорно искусство – это не вневременная способность суждения, а исторически изменчивая форма, в которой выражается «неподдающееся познанию непримиримые противоречия, существующие в раздираемом конфликтами мире». Искусство социально не тогда, когда оно подражает действительности, а когда оно, в силу своей автономии, критикует общество самим фактом своего существования, сохраняя память о страдании.

Ключевым для нашей темы является адóрновское понимание отношения между искусством и несвободой. В одном из прочтений его философии утверждается, что кантовская эстетика предстает у Адорно как своего рода «тюрьма», иллюстрирующая ограниченность свободы в рамках эмпирического опыта. Искусство у Адорно не обещает выхода к свободе, а, напротив, манифестирует неустранимость несвободы, запечатлевая в своей форме «следы исторического насилия». Если Кант ищет условия возможности эстетического суждения в трансцендентальных структурах сознания, то Адорно находит их в историческом страдании. «Содрогание» (Erschütterung), которое, по Адорно, является адекватной реакцией на подлинное искусство, есть не что иное, как соматическая память о том насилии, которое конституирует субъекта.

Этот сдвиг от трансцендентального к историческому открывает возможность для анализа тюремного творчества. Если искусство, по Адорно, есть «сколок с действительности», причем действительности уродливой и кризисной, то уродливая, искаженная форма в искусстве – это не недостаток, а, напротив, свидетельство его правдивости. Тюремное творчество, будучи порождением предельно уродливой (с точки зрения гуманистических ценностей) действительности, тем самым обретает эстетическую легитимность: его «неправильность», его отличие от канонов «хорошего вкуса» оказывается не признаком несостоятельности, а точкой максимального приближения к истине страдания.

Феноменология тюремного творчества: между побегом и свидетельством. Клинический опыт и анализ доступных источников позволяют выделить несколько типов художественной активности в условиях лишения свободы, различающихся по своим психологическим функциям и эстетическим характеристикам.

Первый и, возможно, наиболее распространенный тип – это творчество как бегство от реальности. Рисунки, изображающие пейзажи, животных, женские портреты, сцены из жизни до заключения, представляют собой попытку создать ментальное пространство, свободное от травмирующих воздействий тюремной среды. Как отмечают исследователи зарубежного опыта арт-терапии в пенитенциарной системе, занятия творчеством позволяют осужденным «уменьшить скуку в среде учреждения, улучшить эмоциональное состояние, получить опыт позитивной активности». Этот тип творчества наиболее близок к тому, что можно было бы назвать «эскапизмом»; его эстетика, как правило, ориентирована на доверительные, даже слащавые образы, воспроизводящие клишированные представления о «красивом».

Однако существует и другой тип творчества, имеющий принципиально иную природу. Это творчество, которое не отрицает реальность тюрьмы, а, напротив, стремится зафиксировать ее с предельной выразительностью. Речь идет о рисунках, изображающих камеры, решетки, сцены насилия, автопортретах, передающих состояние деградации и отчаяния. Пожалуй, наиболее драматическим примером такого творчества являются работы заключенных, приговоренных к смертной казни. Исследователи отмечают, что для них искусство становится «единственным способом самовыражения» и позволяет «противостоять дегуманизации».

Выдающийся пример – автопортреты австралийца Мюрана Сукумарана, казненного в Индонезии в 2015 году. За 72 часа до исполнения приговора он создал серию из двенадцати работ, на которых изобразил собственное тело в искаженных, деформированных позах [7]. Его наставник, художник Бен Куилти, комментирует: «Мне кажется, он просто хотел донести до людей свой последний отчаянный порыв, дать отпор и сказать: «Я жив, и я человек». В этих работах нет ничего «прекрасного» в классическом смысле. Они вызывают содрогание, ужас, отвращение. Однако именно эта способность вызывать сильнейшие негативные аффекты и одновременно удерживать их в форме, указывать на присутствие живого человеческого сознания за гранью дегуманизации приближает их к тому, что Кант называл «отрицательно приятным» переживанием возвышенного.

Важно отметить, что феномен тюремного творчества имеет в России глубокую традицию изучения. Еще в 1929 году психиатр Павел Иванович Карпов, один из первых исследователей патологического творчества, подготовил в Государственном институте по изучению преступности и преступника при НКВД книгу «Творчество заключенных», в которой на основе коллекции криминолога М.Н. Гернета описал рисунки (шаржи, аллегории, пейзажи) и скульптуры, в том числе из хлеба [3]. Эта работа, к сожалению,

осталась без должного продолжения, но она задала важную традицию рассмотрения тюремного творчества не как маргинального курьеза, а как серьезного объекта научного исследования.

Психологический механизм эстетической сублимации в условиях депривации. Для понимания того, как именно страдание в условиях неволи может трансформироваться в эстетическое переживание, необходимо обратиться к категории катарсиса. Восходящее к Аристотелю понятие катарсиса, означающее «очищение аффектов» через трагическое действие, было переосмыслено в психологии и эстетике Нового времени. Л.С. Выготский трактовал катарсис как «очищение, прояснение, снятие трагического содержания произведения посредством его художественной формы». В социально-психологической интерпретации катарсис предстает как «преодоление одиночества и отчужденности, достижение человеческой солидарности».

В контексте тюремного творчества катарсис приобретает особое значение. Осужденный, лишенный возможности непосредственного действия для изменения своей участи, оказывается перед выбором: либо быть поглощенным травмой, либо найти способ ее символической переработки. Художественное творчество становится таким способом. Оно позволяет, во-первых, объективировать страдание, вывести его вовне, придать ему форму, которая может быть созерцаема. Во-вторых, в процессе творчества восстанавливается, пусть временно и фрагментарно, чувство субъектности, способности быть причиной своих действий. Как отмечает директор организации Amicus Марго Рэйвенскрофт, «очень часто, лишая человека свободы, у него пытаются забрать то единственное, что у него осталось – его личность». Творчество становится способом удержания личности, утверждения своего присутствия в мире.

С нейробиологической точки зрения этот процесс может быть понят как снижение аллостатической нагрузки через активацию дофаминовой системы подкрепления, связанной с творческим достижением. Сублимация, понимаемая как перенос энергии с нереализуемых влечений на социально приемлемую деятельность, обретает в условиях тюрьмы не психоаналитическую метафору, а конкретный нейрофизиологический коррелят. Мозг, лишенный привычных источников положительного подкрепления, находит альтернативный путь в самом акте создания формы.

Вместе с тем было бы наивно полагать, что любое тюремное творчество автоматически обретает эстетическую ценность или ведет к терапевтическому эффекту. Следует различать подлинный катарсис и его симулякр, который можно было бы обозначить как «псевдокатарсис» или даже «антикатарсис». В.Е. Семенов определяет антикатарсис как «состояние угнетенности, униженности, страха, либо ненависти, агрессивности», порождаемое произведениями, которые «продуцируют антигуманные чувства, отчужденность, презрение к жизни» [5]. Значительная часть продуктов тюремного творчества, особенно связанная с криминальной субкультурой (татуировки определенного типа, граффити с агрессивным содержанием), принадлежит именно этому регистру. Она не освобождает от страдания, а, напротив, фиксирует субъекта в позиции жертвы или палача, не оставляя пространства для трансценденции.

Анализ результатов и обсуждение. Проведенный анализ позволяет предложить следующую концептуальную рамку для понимания эстетики неволи. Тюремная среда может стать местом рождения возвышенного при соблюдении трех условий. Первое условие – наличие дистанции. Несмотря на кажущуюся невозможность дистанцирования в условиях тотального контроля, творческий акт создает ментальное пространство, в котором заключенный на мгновение перестает быть объектом принуждения и становится субъектом действия. Рисунок, стихотворение, поделка – это объект, который принадлежит ему, в котором он узнает себя как творца. Эта дистанция, пусть иллюзорная, является необходимым условием для перехода от ужаса к возвышенному.

Второе условие – формальная организация страдания. Не любое выражение боли является искусством. Для того чтобы переживание обрело эстетический статус, оно должно быть оформлено. Именно форма, по мысли Адорно, является «выпавшим в осадок содержанием». В тюремном творчестве форма часто рождается из ограничения: отсутствие нормальных материалов, необходимость тайности, ограниченность времени. Парадоксальным образом эти ограничения не обедняют, а обогащают выразительные средства, принуждая к изобретательности. Рисунок, сделанный самодельной кисточкой из жженой пробки, может обладать большей выразительной силой, чем профессиональное полотно.

Третье условие – направленность на Другого. Тюремное творчество редко бывает полностью интимным. Оно обращено к сокамернику, к надзирателю, к внешнему миру, к будущему зрителю. Эта коммуникативная интенция, желание быть увиденным и услышанным, придает акту творчества измерение солидарности. Как убедительно показано в зарубежных исследованиях, занятия искусством в тюрьмах «содействуют дестигматизации осужденных и созданию прочных позитивных социальных связей между ними

и членами семьи». Возвышенное у Канта было одиноким переживанием. В тюремном контексте оно приобретает интерсубъективное измерение: я страдаю, но я не один в своем страдании, и моя способность говорить о нем через искусство есть акт восстановления человеческих связей [8].

Исследование этих механизмов имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение для пенитенциарной системы. Как показывает опыт внедрения арт-терапевтических программ в России, в частности, проект «Арт-терапия в пенитенциарной системе», реализованный в СИЗО-5 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области с использованием репродукций картин Русского музея, систематическая работа с искусством способствует снижению уровня агрессии и улучшению психологического климата в учреждениях [2]. Зарубежные данные подтверждают эти наблюдения: в Англии, например, программа вовлечения осужденных в творческую деятельность привела к сокращению числа рапортов о нарушении дисциплины на 29% [4].

Заключение. Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок статьи, можно сформулировать следующий ответ. Тюрьма может быть местом рождения возвышенного, но это рождение происходит не автоматически и не для всех. Оно требует от заключенного способности к дистанцированию, владения формальными средствами выражения и направленности на Другого. Парадокс тюремного творчества заключается в том, что оно рождается из предельного отрицания всех условий, необходимых для свободного самовыражения, и именно благодаря этому отрицанию обретает свою особую силу.

Эстетический опыт в неволе – это всегда опыт на грани, балансирование между катарсисом и антикатарсисом, между освобождением и новой фиксацией на травме. Как точно заметил Варлам Шаламов, прошедший Колыму, «эти слезы – очищенье, их также катарсис зовут» [6]. Но эти слезы не гарантированный результат, а возможность, которая может быть упущена. Задача пенитенциарной системы, если она стремится не просто к наказанию, но к реабилитации, состоит в создании условий, при которых эта возможность реализуется: предоставление материалов для творчества, организация студий, поддержка художественной инициативы, даже если ее продукты кажутся далекими от академических канонов.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на систематический анализ коллекций тюремного творчества, накопленных в учреждениях ФСИН России, и на разработку критериев оценки его психологического и эстетического потенциала. Не менее важно продолжение клинических исследований, направленных на изучение связи между занятиями творчеством и динамикой психического состояния осужденных, включая показатели аллостатической нагрузки и нейропластичности. Только на пересечении философской эстетики, пенитенциарной психиатрии и нейробиологии может быть построена адекватная теория этого сложного и противоречивого феномена – эстетики неволи.

Список литературы:

[1] Адорно Т. В. Эстетическая теория / Т. В. Адорно. – Москва: Республика, 2001. – 526 с.

[2] Государственный Русский музей. Арт-терапия в пенитенциарной системе. – 2020. – URL: https://www.rusmuseum.ru/news/art-terapiya-v-penitentsiarnoy-sisteme-/ (дата обращения: 27.03.2026).

[3] Карпов П. И. Творчество заключенных = Die Schöpferische Tätigkeit der Gefangenen: (рисунки, скульптура и работы мастерских) / П. И. Карпов. – Москва: Изд-во Нар. ком. внутр. дел, 1929. – 82 с. – URL: https://www.lot-art.com/auction-lots/Die-Schopferische-Tatigkeit-der/395-karpov_p-07.7.21-12th (дата обращения: 27.03.2026).

[4] Реттгес С. В. Психологические возможности арт-терапии и творческой деятельности в психокоррекции и реабилитации осужденных за рубежом / С. В. Реттгес // КиберЛенинка. – 2020. – № 3 (11). – С. 71-76. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-vozmozhnosti-art-terapii-i-tvorcheskoy-deyatelnosti-v-psihokorrektsii-i-reabilitatsii-osuzhdennyh-za-rubezhom (дата обращения: 27.03.2026).

[5] Семенов В. Е. Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства / В. Е. Семенов // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 116-122.

[6] Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студентов высших учебных заведений / В. Е. Хализев. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Академия, 2009. – 432 с. – ISBN 978-5-7695-5814-6.

[7] Crémon J. 12 автопортретов за три дня до смертной казни / J. Crémon // BBC News Русская служба. – 2017. – 2 марта. – URL: https://www.bbc.com/russian/vert-cul-39141202 (дата обращения: 29.03.2026).

[8] Paddison M. Art and the Concept of Autonomy in Adorno's Kant Critique / M. Paddison // The Palgrave Handbook of Critical Theory / ed. by M. Thompson. – New York: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 327–345. – DOI: 10.1057/978-1-137-55801-5_14.

References:

[1] Adorno T.V. Aesthetic Theory/T.V. Adorno. - Moscow: Republic, 2001. - 526 p.

[2] State Russian Museum. Art therapy in the prison system. – 2020. – URL: https://www.rusmuseum.ru/news/art-terapiya-v-penitentsiarnoy-sisteme-/ (дата обращения: 27.03.2026).

[3] Karpov P.I. Creativity of prisoners = Die Schöpferische Tätigkeit der Gefangenen: (drawings, sculpture and workshop works)/P.I. Karpov. - Moscow: Publishing House Nar. com. int. affairs, 1929. - 82 p. - URL: https://www.lot-art.com/auction-lots/Die-Schopferische-Tatigkeit-der/395-karpov_p-07.7.21-12th (access date: 27.03.2026).

[4] Rettges S.V. Psychological possibilities of art therapy and creative activity in psycho-correction and rehabilitation of convicts abroad/S.V. Rettges// CyberLeninka. – 2020. – № 3 (11). - S. 71-76. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-vozmozhnosti-art-terapii-i-tvorcheskoy-deyatelnosti-v-psihokorrektsii-i-reabilitatsii-osuzhdennyh-za-rubezhom (дата обращения: 27.03.2026).

[5] Semenov V.E. Catharsis and anti-catharsis: a socio-psychological approach to the impact of art/ V.E. Semenov//Questions of psychology. – 1994. – № 1. - S. 116-122.

[6] Khalizev V.E. Theory of literature: a textbook for students of higher educational institutions/V.E. Khalizev. - 5th ed., Rev. and add. - Moscow: Academy, 2009. - 432 p. - ISBN 978-5-7695-5814-6.

[7] Crémon J. 12 self-portraits three days before the death penalty/J. Crémon//BBC News Russian Service. – 2017. - March 2. - URL: https://www.bbc.com/russian/vert-cul-39141202 (access date: 29.03.2026).

[8] Paddison M. Art and the Concept of Autonomy in Adorno's Kant Critique / M. Paddison // The Palgrave Handbook of Critical Theory / ed. by M. Thompson. – New York: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 327–345. – DOI: 10.1057/978-1-137-55801-5_14.

